
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СОТРУДНИЧЕСТВА КНР С АРАБСКИМИ СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В 1980-2010 ГГ.

Е.А. Базанова

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются этапы развития отношений Китая с арабскими странами Ближнего Востока в период с 1980 по 2010 г. Автор исследует эволюцию ближневосточной стратегии КНР в контексте изменений внутривосточного курса развития страны, рассматривает взаимодействие Китая с арабскими государствами в сфере экономики, образования и СМИ.

Ключевые слова: Китай, Ближний Восток, ближневосточная стратегия, Форум китайско-арабского сотрудничества, институт Конфуция, импорт нефти и газа.

После образования КНР китайское правительство стало уделять пристальное внимание отношениям с развивающимися странами. Основные положения ближневосточной политики КНР нашли отражение в «Пяти принципах развития отношений с арабскими и африканскими странами», предложенных первым премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем во время его поездки по десяти странам Африки с декабря 1963 г. по январь 1964 г. В соответствии с этими принципами заявлялось, что:

- 1) Китай поддерживает африканские и арабские народы в их борьбе против колониализма и неоколониализма и защите национальной независимости;
- 2) Китай поддерживает политику мира, нейтралитета и неприсоединения правительств африканских и арабских стран;
- 3) Китай поддерживает стремление африканских и арабских народов к единству и солидарности;
- 4) Китай поддерживает усилия африканских и арабских народов по разрешению спорных вопросов путем мирных переговоров;
- 5) Китай настаивает, что суверенитет арабских и африканских стран должен уважаться всеми государствами и попытки его нарушить должны быть недопустимы (1).

До конца 1970-х гг. внешнеполитическая стратегия КНР на Ближнем Востоке определялась идеей революционной борьбы, согласно которой Китай стремился оказывать поддержку народам, выступающим против империализма и гегемонизма. Это обуславливало позицию китайского прави-

тельства по вопросу решения палестино-израильского конфликта: в контексте классовой борьбы Израиль воспринимался как оплот империализма, в то время как действия палестинцев трактовались как «справедливая борьба» и «справедливое противостояние» (2).

В рамках поддержки концепции «народной войны», после речи министра обороны КНР Линь Бяо «Да здравствует победа в народной войне», Китай в сентябре 1965 г. активизировал поддержку Народному фронту освобождения Дофара, преобразованному в 1968 г. в Народный фронт освобождения оккупированного Арабского залива, начавшему вооруженную борьбу против султана Омана Саида бин Таймура, с целью победить «империализм и его лакеев» в регионе Персидского залива (3).

Также Китай активно проводил свою политику в Южном Йемене, поддерживая создание Йеменской Арабской Республики и включение в ее состав Адена, находившегося под контролем Великобритании, и оказывая помощь Национальному фронту освобождения оккупированного Южного Йемена.

Данные шаги были обусловлены стремлением КНР сформировать зону своего влияния в регионе Персидского залива, а также попыткой распространить марксистскую идеологию и продемонстрировать пример успешной революционной борьбы.

Таким образом, первый период отношений Китая с арабскими странами Ближнего Востока после образования КНР носил ярко выраженный идеологический характер, что накладывало отпечаток на выбор союзников.

В период 1970-х гг. политика КНР на Ближнем Востоке определялась конфронтацией с СССР и стремлением заручиться поддержкой его антагонистов в регионе.

Так, в этот период ближайшими ближневосточными союзниками Китая стали шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви и президент Египта Анвар Садат.

Несмотря на то что мирная инициатива президента Садата по урегулированию арабо-израильского конфликта вызвала неприятие многих арабских государств, правительство КНР выразило поддержку действиям египетского президента. Так, на встрече со специальным посланником Садата Хасаном аль-Тухами 4 февраля 1978 г. председатель КПК Хуа Гофэн подчеркнул, что в своих переговорах с Израилем египетское правительство настаивало на противостоянии, что подразумевает возврат потерянных арабских территорий и восстановление национальных прав палестинского народа, и это противостояние отвечает интересам всех египтян, палестинцев и всех арабов (4). На встрече в Ливане с Ясиром Арафатом заместитель министра иностранных дел КНР Хэ Ин призвал лидера ООП принять мирную инициативу Садата как единственно правильную, чем вызвал недовольство палестинской делегации.

Однако, взяв курс на сближение с США, КНР видела в поддержке Египта возможность уменьшить влияние СССР в регионе и его участие в урегу-

лировании арабо-израильского конфликта, что являлось приоритетом для китайской внешнеполитической стратегии в этот период. Таким образом, во внешнеполитическом курсе КНР на Ближнем Востоке до 1980-х гг. главенствовал идеологический компонент, который обуславливал выбор союзников и противников в регионе.

Однако в начале 1980-х гг. ближневосточная политика Китая претерпела значительные изменения.

В 1978 г. в КНР состоялся III пленум ЦК КПК 11-го созыва, на котором было принято решение о начале проведения в стране реформ. Основным содержанием изменений было установление приоритета экономических методов управления, различных форм собственности и хозяйствования, развитие и активизация внешнеэкономических контактов и т.д. (5).

Несмотря на то что обозначенные преобразования в основном касались экономической сферы, они не могли не затронуть всех сторон жизни страны и, в частности, вопроса внешней политики.

1980-е гг. стали для Китая не только периодом значительных внутривосточных изменений, но и временем пересмотра внешнеполитических интересов, в частности переосмысления стратегии КНР на Ближнем Востоке. В этот период китайско-арабское сотрудничество приобрело новый импульс к развитию, основанному на активизации политического сотрудничества, расширении экономических и торговых связей и взаимодействия в области культуры, образования и СМИ.

В данный период Китай установил дипломатические отношения с ОАЭ (1984), Катаром (1988), ООП (1988), Бахрейном (1989) и КСА (1990).

15 ноября 1988 г. Палестинский национальный совет, основываясь на резолюции 181 Генеральной Ассамблеи ООН, принял Декларацию независимости, и Ясир Арафат провозгласил создание Палестинского государства. 5 дней спустя Китай объявил о признании государства Палестина и об открытии палестинского посольства в Пекине. Таким образом, к 1990 г. Китай установил дипломатические отношения со всеми арабскими государствами Ближнего Востока (6).

Важное влияние на развитие отношений Китая с арабскими странами оказал кувейтский кризис 1990 г., в ходе которого КНР перестал быть сторонним наблюдателем и принял непосредственное участие в разрешении ближневосточного конфликта.

Резко осудив агрессию Ирака в отношении Кувейта, Китай, тем не менее, воздержался при голосовании по резолюции Совета Безопасности ООН № 678, которая представляла собой фактический ультиматум Ираку (7).

Позиция КНР в вопросе урегулирования кувейтского кризиса оказалась наиболее адекватна его экономическим и политическим интересам на Ближнем Востоке и приемлема в отношениях с США.

Несмотря на активное сотрудничество с режимом Саддама Хусейна в области строительства и разработки нефтяных месторождений, важнейшим объ-

ектом китайской внешнеполитической стратегии на Ближнем Востоке оставалась Саудовская Аравия, с которой Пекин к началу войны в заливе еще не установил дипломатические отношения. В связи с этим поддержка агрессии Ирака в регионе могла не только испортить отношения КНР с существующими союзниками в Персидском заливе, но и негативно сказаться на сотрудничестве и процессе налаживания дипломатических отношений с Саудовской Аравией.

В 1999 г. Китай установил стратегическое партнерство с Египтом и Саудовской Аравией.

Египет, первым из арабских государств установивший дипломатические отношения с КНР в 1956 г., подписал соглашение о стратегическом партнерстве с Китаем в 1999 г., а в 2006 г. страны подписали «План расширения двустороннего стратегического сотрудничества между Китаем и Египтом».

В ходе визита председателя КНР Цзян Цзэминя в Саудовскую Аравию в 1999 г. стороны в совместном коммюнике подтвердили стремление к установлению стратегического партнерства, а в 2006 г. после визита председателя КНР Ху Цзиньтао в Эр-Рияд и короля Абдуллы в Пекин страны достигли договоренности об установлении стратегического партнерства.

Важным этапом взаимодействия Китая и арабских стран Ближнего Востока стал Форум китайско-арабского сотрудничества, организованный в 2004 г. В качестве основных задач Форума организаторы обозначили усиление политического сотрудничества, основанного на взаимном уважении, интенсификации экономического и торгового взаимодействия, направленного на совместное развитие, расширение контактов в области культуры, науки и средств массовой информации (8).

Первый съезд Форума был проведен в Каире 14 сентября 2004 г. с участием министра иностранных дел КНР Ли Чаочена и министров иностранных дел стран – членов ЛАГ.

В течение последующих лет был выработан механизм взаимодействия между его участниками, разработаны рамочные соглашения о сотрудничестве между Китаем и 22 арабскими государствами – членами Лиги арабских государств, которая в рамках данной организации выступает как единый представитель арабских стран.

Другой немаловажной вехой в развитии отношений КНР с арабскими странами Ближнего Востока стало назначение специального посланника Китая на Ближнем Востоке, чьей задачей является поиск путей разрешения арабо-израильского конфликта.

С момента его учреждения в сентябре 2002 г. два посланника посетили Ближний Восток девять раз. В их задачи входило разъяснение позиции КНР по ближневосточному конфликту и конструктивное участие в переговорном процессе (9). Данное назначение подчеркнуло стремление КНР более активно участвовать в политических процессах на Ближнем Востоке, сменив роль наблюдателя на роль участника.

В январе 2004 г. во время визита в штаб-квартиру ЛАГ в Каире Госсекретарь КНР Ху Цзиньтао озвучил четыре принципа развития партнерства между Китаем и арабскими государствами в новом столетии, которые пришли на смену пяти принципам Чжоу Эньлая:

- 1) развитие политического сотрудничества на основе взаимного уважения;
- 2) поддержание тесных экономических и торговых связей;
- 3) расширение взаимодействия в области культуры и обмен опытом;
- 4) сотрудничество в международных вопросах в духе защиты мира и развития (10).

Приоритетную роль в развитии отношений Китая с арабскими странами Ближнего Востока в 1990-е гг. стало играть сотрудничество в области торговли и энергетики.

С 1993 г. Китай стал нетто-импортером сырой нефти, так как, несмотря на увеличение добычи нефти внутри страны, внутренние запасы не могли удовлетворить потребности растущей экономики (11). В связи с быстрыми темпами роста китайской экономики объемы потребления нефти в стране выросли с 88 млн т в 1980 г. до 252 тонн в 2003 г. и 289 млн т в 2004 г. В настоящее время Китай является вторым в мире потребителем нефти.

Дефицит углеводородного сырья стал значительным фактором, влияющим на внешнеполитический курс КНР. Из страны, чьи внешнеполитические интересы заключались ранее в обеспечении безопасности на собственных границах, Китай превратился в полноправного «игрока» на мировой арене, чьи интересы стали распространяться далеко за пределы его исторического ареала влияния (12).

По оценкам международных экспертов, в регионе Ближнего Востока сосредоточено 65% мировых запасов нефти и 35% мировых запасов природного газа, что делает данный регион привлекательным для мирового нефтяного капитала. Также регион отличает их низкая себестоимость (около 5 долл. США за 1 баррель нефти).

Основные запасы расположены на территории Королевства Саудовская Аравия (25% мировых запасов), Ирака (10,8% мировых запасов), Объединенных Арабских Эмиратов (9,3% мировых запасов), Кувейта (9,2% мировых запасов). Одним из крупнейших обладателей природного газа является Катар (7,3% мировых запасов) (13).

Ближний Восток представляет разделенный рынок, где китайские компании с трудом выдерживают конкуренцию с мировыми ТНК.

Однако данный регион имеет стратегически важное значение для обеспечения в будущем энергетической безопасности КНР.

Политика Китая в данном регионе сформулирована в установке «два импорта и один экспорт», которая подразумевает импорт сырой нефти и нефтепродуктов, импорт нефтяного капитала из стран Персидского залива для инвестирования в разведку нефтяных месторождений внутри страны и экспорт китайского капитала для инвестирования в нефтедобывающие и

нефтеперерабатывающие отрасли стран Персидского залива в рамках стратегии «выхода вовне» (14).

Иначе данная стратегия формулируется как «два раза к себе – один раз от себя» и заключается в том, чтобы импортировать сырую нефть и нефтепродукты из стран Ближнего Востока, привлекать инвесторов в разработку собственных нефтяных месторождений и инвестировать в нефтедобычу в данном регионе.

В 1989 г. единственной арабской страной, экспортировавшей нефть в КНР, был Оман, позднее, в начале 1990-х гг., одним из экспортеров также стал Йемен. В начале XXI в. основными экспортерами нефти в Китай среди арабских стран Ближнего Востока являются Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт.

С 2002 г. Саудовская Аравия является крупнейшим поставщиком нефти в КНР, и к 2008 г. объемы экспорта нефти из этой страны составили 36,37 млн т, что составило 20,3% от общего объема импорта нефти в Китай. Доля Омана уменьшилась с 33,2% в 1989 г. до 8,2% в 2008 г. В этом же году объем импорта нефти из других арабских стран составил: 3,3% из Кувейта, 2,6% из ОАЭ, 2,3% из Йемена, 1% из Ирака и 0,5% из Катара. С 1990-х гг. значительно выросли объемы импорта в Китай сжиженного природного газа.

Существуют заметные различия между западными и китайскими исследователями в трактовке и анализе мотиваций и последствий активизации сотрудничества Китая с арабскими странами Ближнего Востока в энергетической сфере.

Большинство аналитиков концентрируется на вопросах безопасности и влияния сотрудничества Китая с регионом Ближнего Востока на систему международных отношений.

Д. Блюменталь полагает, что «китайские приобретения за рубежом, особенно на Ближнем Востоке, воспринимаются многими с недоверием, многие аналитики опасаются, что растущая потребность Китая в энергии может привести к дестабилизации в регионе» (15).

Ряд аналитиков придерживается мнения, что инвестиции Китая в такие страны, как Ирак, могут создать ряд потенциальных проблем для США. Некоторые исследователи полагают даже, что «война за Ближний Восток и мировые энергетические ресурсы между США и КНР неизбежна» (16).

Основанием для подобных размышлений могут служить несколько факторов. Прежде всего, следует отметить, что в связи с растущими потребностями в углеводородном сырье Китай был вынужден переосмыслить свою стратегию в отношении арабских стран Ближнего Востока и начать реализовывать в развитии отношений с данным регионом более прагматичный подход, направленный на развитие взаимовыгодного сотрудничества. Таким образом, энергетический фактор в значительной степени повлиял на внешнюю политику КНР в отношении ближневосточного региона.

Стратегия Китая на Ближнем Востоке имеет такие специфические черты, как экономическая ориентация, прагматизм и отсутствие идеологических догм.

Более того, в силу географической удаленности и отсутствия исторических прецедентов арабские страны Ближнего Востока не связывают «мирное возвышение» Китая с угрозой для себя. По словам ливанского политолога Сами Баруди, «гегемония, доминирование и империализм ассоциируются в наших странах с США и Европой. Китай мы в таком ключе не рассматриваем. Арабы высоко оценивают его экономические успехи, но не воспринимают его как политическую угрозу» (17).

Политика КНР в отношении энергетической безопасности направлена, прежде всего, на обеспечение стабильности поставок углеводородов за счет инвестирования в добывающий сектор стран – экспортеров нефти. Большинство важных контрактов, подписанных с ближневосточными экспортерами нефти, были подкреплены визитами главы государства, премьер-министров или высокопоставленных дипломатов (18).

Таким образом, с точки зрения китайского правительства сотрудничество в области нефти и газа лежит не столько в области экономических, сколько в области политических интересов и приоритетов государства.

Некоторые западные аналитики воспринимают китайские нефтяные компании, в большинстве своем являющиеся государственными, как инструмент китайского правительства, используемый им для расширения международной экспансии, в то время как китайские специалисты полагают, что инвестиции в область энергетики помогают Китаю развивать дружественные отношения как со странами Ближнего Востока, так и с государствами Латинской Америки, Африки и Средней Азии (19).

Начиная с 2000-х гг. КНР стала использовать принцип «мягкой силы» в отношениях с развивающимися странами и, в частности, с арабскими государствами Ближнего Востока. В качестве основных инструментов глобальной стратегии мягкой силы, целью которой является формирование общественного мнения о Китае за рубежом, КНР использует культурную дипломатию, включающую в себя такие понятия, как язык, искусство, образование и др.

Что касается области образования, то здесь заметную роль в развитии китайско-арабского сотрудничества играют Общества дружбы Китая со странами Ближнего Востока.

Первой страной арабского мира, с которой КНР учредила Общество дружбы, был Египет в 1956 г.

1 октября 1957 г. было организовано общество китайско-сирийской дружбы, 17 февраля 1994 г. – общество китайско-йеменской дружбы, 19 февраля 1994 г. – общество китайско-ливанской дружбы, 15 октября 1997 г. – общество дружбы Китая и Саудовской Аравии.

Общества дружбы Китая с арабскими странами подготовили базу для многостороннего сотрудничества, важнейшим этапом развития которого стала организация форума сотрудничества Китая и арабских стран в 2004 г.

В тексте программы развития сотрудничества в рамках форума особое внимание уделяется взаимодействию в области образования и культуры.

Подчеркивается, что китайские и арабские высшие учебные заведения должны стремиться устанавливать контакты для проведения совместных научных исследований, организации обмена студентами и преподавателями, изучать возможности участия в форуме китайско-арабского сотрудничества ректоров китайских и арабских вузов, увеличивать количество государственных стипендий в различных областях академических исследований.

Необходимо прикладывать усилия для поддержки изучения арабского языка в Китае и китайского языка в арабских странах, а также для организации большего числа центров и школ с изучением арабского и китайского языков (20).

Согласно позиции официального Пекина преподавание китайского языка как иностранного является неотъемлемой частью реформы открытости. Продвижением китайского языка за рубежом занимаются такие организации, как Совет по международному распространению китайского языка (Ханьбань), институты Конфуция. К 2010 г. институты Конфуция были учреждены в Ливане, Иордании, Египте, ОАЭ.

Важное место в развитии отношений Китая с арабскими странами Ближнего Востока занимает ислам. 19 октября 1979 г. делегация китайских паломников отправилась в Мекку совершать хадж впервые после 14-летнего перерыва, связанного с внутривосточными событиями в Китае.

В 2001 г. делегация китайских паломников в составе 200 человек впервые в истории отношений двух стран посетили Саудовскую Аравию в качестве личных гостей короля. Это положило начало новой эре в паломничестве китайских мусульман в Мекку. В 2006 г. хадж совершило 9600 мусульман из Китая (21).

Мусульмане Китая стали своего рода «живым мостом» в диалоге правительств КНР и КСА, поскольку выезд паломников и общение между представителями духовенства обеих стран стали осуществляться задолго до установления официальных дипломатических отношений.

Важным импульсом к изучению арабского языка в Китае является активизация сотрудничества КНР с арабскими странами Ближнего Востока в области туризма. По оценкам экспертов, к 2015 г. арабские страны посетят 100 млн китайских туристов. В последнее десятилетие стало активно развиваться сотрудничество КНР и арабских стран Ближнего Востока в области СМИ и коммуникаций. Свои представительства в Китае открыли такие крупнейшие арабские новостные агентства, как «Middle East News Agency» и «Al-Jazeera». В свою очередь, государственный телевизионный канал CCTV начал выпуск программ на арабском языке.

На протяжении 30 лет с 1980 по 2010 г. отношения Китая с арабскими странами претерпели значительные изменения. Ближний Восток перестал быть для Китая зоной политической периферии, а превратился в один из стратегически важных и ключевых регионов во внешнеполитической стратегии КНР.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Premier Zhou Enlai's Three Tours of Asian and African countries // <http://www.fmprc.gov.cn/eng/ziliao/3602/3604/t18001.htm> (16.05.2011)
- (2) *Shichor Y.* «Just stand» and «Just struggle»: China and the peace process in the Middle East // *The Australian Journal of Chinese affairs.* – 1981. – № 5. – P. 40.
- (3) *Huwaidin M.B.* China's relations with Arabia and the Gulf 1949–1999. – Lnd, 2002. – P. 103.
- (4) *Shichor Y.* In search of alternatives: China's Middle East policy after Sadat // *The Australian Journal of Chinese affairs.* – 1982. – № 8. – P. 103.
- (5) *Жоголев Д.А.* Малые народности и великий Китай // *Информационный бюллетень.* – 1994. – № 2. – С. 77.
- (6) *Wang Jinglie.* Review and thoughts over the relationship between China and the Middle East // *Journal of Middle Eastern and Islamic studies.* – 2010. – № 1. – P. 24.
- (7) S/RES/678 (1990) // www.un.org (12.10.2010)
- (8) China, Arab League Issue Communiqué on Establishment of Cooperation Forum // http://www.china.org.cn/features/fbich/2004-01/31/content_1085842.htm (14.10.2010)
- (9) *Yao Kuangyi.* Development of Sino-Arab Relations and the evolution of China's Middle East policy in the New Era // *Journal of Middle Eastern and Islamic studies.* – 2007. – № 1. – P. 14.
- (10) An interview with General Secretary of the Arab League: Injecting New Vitality into Arab-China cooperation // http://news.shangdu.com/category/10002/2006/05/31/2006-06-31_312822_10002.shtml (20.11.2010)
- (11) *Котлов М.В.* Концепция нефтяной безопасности КНР // *Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии.* – М., 2007. – С. 701.
- (12) *Cole B.D.* Oil for the lamps of China: Beijing's 21st-century search for energy. – Washington, 2003. – P. 56.
- (13) *Jin Liangxiang.* Energy first: China and the Middle East // *The Middle East quarterly.* – 2005. – № 2. – P. 3.
- (14) *Jiang Wenran.* China makes strides in energy «go out» strategy // *China Brief. The Jamestown foundation.* – 2009. – № 15. – P. 24.
- (15) *Blumental D.* Providing arms: China and the Middle East // *The Middle East quarterly.* – 2005. – № 2. – P. 11.
- (16) *Bi Jianhai, Zweig D.* China's Global Hunt for Energy // *Foreign Affairs.* – 2005. – № 5. – P. 76.
- (17) Reuters. – 26.11.2006.
- (18) *Calabrese J.* Consolidation of Gulf-Asia relations: Washington tuned in or out of touch? // *The Middle East institute Policy brief.* – 2009. – № 25. – P. 4.
- (19) *Hongyi H.L.* China's Oil Diplomacy: Is It a Global Security Threat? // *Third World Quarterly.* – 2007. – № 3. – P. 16.
- (20) Action plan of the China-Arab cooperation forum (2008–2010) // <http://www.fmoprc.gov.hk/eng/zgwjsw/t448439.htm> (25.10.2010)
- (21) Hajj information. // <http://www.hajjinformation.com/main/y1155.htm> (03.04.09)

MAIN STAGES OF COOPERATION BETWEEN CHINA AND THE ARAB STATES OF THE MIDDLE EAST IN 1980–2010

E. Bazanova

World History Chair
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article describes the stages of China's cooperation with Arab countries of the Middle East in 1980–2010. The evolution of PRC's Middle Eastern strategy in the context of internal of domestic processes of political change is examined. The attention is paid on China's cooperation with the Arab states in the field of economics, education and mass media.

Key words: China, Middle East, Middle Eastern strategy, China-Arab cooperation Forum, Confucius Institute, oil and gas import.